

ГЛАВА I

Теоретические проблемы геральдики: опыт осмысления

§ 1. В начале начал: понятие герба в отечественной историографии

Для научной геральдики основополагающее значение имеет понятие герба. Онтология герба как феномена цивилизации в исторической ретроспективе обусловила конституирование дисциплины как сферы практической деятельности (герботворчества) и научного познания. Несмотря на кажущуюся очевидность такого специфического явления, как герб, формулировка его точной, полной и инвариантной дефиниции представляет собой сложную проблему, имеющую множество нюансов и антиномий. По сути, она выходит за пределы собственно геральдического знания и требует интегрированного, общегуманитарного подхода, составляя задачу иного качественного уровня. Ее разрешение возможно только в контексте исторической науки в целом.

Впервые слово «герб» зафиксировано в русских источниках, относящихся к 1571 г., а поскольку само явление было заимствовано из Европы, то использовалось оно в документах, которые касались дипломатических отношений периода Ливонской войны («Да прислати образец, герб швейской, чтоб тот герб в царьского величества печати был»)⁷⁴. В XVI в. термин явно не принадлежал к активно употребляемому лексическому фонду, поскольку гербов в точном смысле этого слова на Руси не существовало.

С середины XVII в. понятие использовалось чаще. Это связано с тем, что геральдика начала проникать в жизнь и культуру рус-

⁷⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 4. – М., 1977. – С. 18. Термин «городской герб» впервые зафиксирован в 1692 г. (ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. 3. – [СПб.], 1830. – С. 142).

ского общества. В контексте изменения лексической частоты представляется весьма показательным, что М. Фасмер относил первое упоминание слова «герб» к 1644 г.⁷⁵ Хотя такая датировка ошибочна, объективно она совпадала с началом относительно регулярного употребления слова. Термин быстро приобрел актуальность и получил распространение, о чем свидетельствует тот факт, что уже в 1704 г. он вошел в словарь⁷⁶.

Этимологически слово «герб» восходит к средневековому немецкому «Erbe», означающему «наследство»⁷⁷. Однако в самой Германии герб обозначается иначе – словом «Wappen». Такая ситуация сложилась из-за того, что заимствование в русский язык произошло не прямо, а через адаптацию в польском языке (herb). Это указывает на особое значение, которое имело польское культурное влияние на генезис геральдики в России. Известный языковед П.Я. Черных считал, что слово заимствовано «при украинско-белорусском посредстве»⁷⁸, а в польский язык пришло через чешский, в котором как раз и получило значение «герб».

Факт заимствования термина из Польши акцентировался в историографии XIX – начала XX в. как аргумент при определении истоков, специфики и визуально-семантических связей русской геральдики. Подчеркивалось, что в западноевропейской традиции название герба имеет принципиально иную этимологию и восходит к терминам, обозначающим оружие⁷⁹, фиксировался общеславянский ареал использования слова⁸⁰. Последнее обстоятельство использовалось для обоснования тезиса о существовании особой русской системы геральдики.

⁷⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. 1. – М., 1986. – С. 402.

⁷⁶ Поликарпов Ф. Лексикон трехязычный, сиречь речение славенских еллиногреческих и латинских сокровище. – М., 1704.

⁷⁷ А.Б. Лакиер указывал также на французское слово «heritage», означающее «наследство», «наследие» (Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 132). Особой позиции в вопросе об этимологии термина придерживался К.И. Дунин-Борковский, связывавший его со старопольским словом «гора», «горб», «верх», «носимый вверху», поскольку изображения гербов носили на знаменах (Дунин-Борковский К.И. Герб // Энциклопедия государства и права. – Т. 2. – [Вып. 1]. – М., 1925. – Стлб. 569–570).

⁷⁸ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – Т. 1. – М., 1993. – С. 186.

⁷⁹ Арсеньев Ю.В. Указ. соч. – С. 107; Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 28, 131.

⁸⁰ Там же. – С. 132.

Научный интерес к определению сущности герба возник в России XVIII в. Первые интерпретации, как и вся геральдическая историография того периода, в значительной степени зависели от западной традиции. Понимание сущности явления отечественные авторы заимствовали из европейских трудов либо дословно, либо с незначительными корректировками.

Одним из первых обратился к зарубежному опыту при истолковании понятия «герб» В.Н. Татищев. Историк справедливо сближал его с термином «знак», подчеркивая «различительные» функции обоих⁸¹. Одновременно он заимствовал из сочинений XVI–XVII вв. нечеткость в разграничении значений слов «герб», «эмблема» и «символ».

В XVIII в. сущность герба определялась преимущественно через дистанцирование его от близкого, но не тождественного понятия «эмблема». В качестве отличия указывалось на обязательное присутствие в гербе щита, шлема, определенных фигур и цветов⁸², т. е. на обстоятельства формального, иконографического характера. Как писал Н.М. Максимович-Амбодик: «Эмблемы просто, а гербы на щитах, известное очертание имеющих, изображаются»⁸³. Второй специфической чертой герба считалось его пожалование «от высокого начальства по разным причинам»⁸⁴. Эти «причины» подробно перечислил писатель и педагог И.В. Нехачин, видевший в гербе отражение монаршей «милости», покровительства или дворянского статуса⁸⁵. Правовому статусу как признаку герба уделил значительное внимание герольдмейстер Л.И. Талызин в предисловии к своему гербовнику⁸⁶. Связь гербов с дворянским достоинством отмечалась также официальными документами XVIII в., в частности, манифестом от 1 января 1798 г. об утверждении первого тома «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи»⁸⁷. В тру-

⁸¹ Татищев В.Н. История российская. – Т. 1. – М.; Л., 1962. – С. 368–369.

⁸² [Формей Ж.-А.-С.] Краткое понятие о всех науках, для употребления юношества. – М., 1764. – С. 229.

⁸³ Эмблемы и символы. – М., 1995. – С. 26.

⁸⁴ [Формей Ж.-А.-С.] Указ. соч. – С. 229.

⁸⁵ Нехачин И.В., Нехачин Д.В. Новое краткое понятие о всех науках, или Детская настольная учебная книга. – Ч. 4. – М., 1797. – С. 96.

⁸⁶ Кипнис Б.Г., Сапожников А.И. «Гербовник» Лукьяна Ивановича Талызина // Гербовед. – 1996. – № 12. – С. 87–88.

⁸⁷ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. 25. – [СПб.], 1830. – С. 3–4.

де профессора Гёттингенского университета И.-Х. Гаттерера заявлялось об «иероглифическом»⁸⁸ (символическом) характере гербов.

В основе многих дефиниций XVIII в. находилось понятие знака, вокруг которого формулировались критерии, раскрывавшие суть явления. Это понимание встречалось с самых первых геральдических работ⁸⁹.

Герб уже изначально отождествлялся с изображением, передаваемым по наследству. В этом виделось его коренное отличие от эмблем и символов более ранних эпох.

В XVIII в. герб ограничивался также социально, интерпретируясь как «знак чести»⁹⁰, принадлежащий единственному сословию – дворянству. Совершение непристойного поступка вело к потере чести и, следовательно, права на герб. Изначально была ясна и «различительная» функция, выполняемая гербом. Она трактовалась вполне обстоятельно, с элементами правовых и генеалогических характеристик. Как указывали некоторые авторы, гербы различают не только отдельные роды, но также законное и незаконное потомство, старшие и младшие ветви одной семьи⁹¹.

В XVIII в. перечислялись основные признаки герба, но каждый из них бытовал самостоятельно, представление об их единстве отсутствовало. Наиболее существенной была связь с определенным социальным статусом, дефиниции ориентировались исключительно на дворянскую геральдику.

Наиболее полным и точным для XVIII в. стало определение «Словаря Академии Российской»: «Герб – отличительный знак, свойственный какому-либо государству, дворянству или городу, изображаемый на щите или на другом чем»⁹². Эта трактовка ценна сразу по нескольким причинам. В ней закреплялось остающееся до настоящего времени актуальным понимание гербов как «отличительных знаков» и перечислялись три их основные группы (государственные, территориальные, родовые). Связь исключительно с дворянством не акцентировалась. Присутствовал также и иконографический мо-

⁸⁸ Гаттерер И.-Х. Начертание гербоведения. – СПб., 1805. – С. 1.

⁸⁹ О гербах // Примечания при ведомостях. – 1739. – Ч. 3. – С. 12; Ч. 5. – С. 18.

⁹⁰ Там же. – Ч. 3. – С. 13. Определение, данное в 1739 г., трактовало гербы как «публичные и наследные знаки чести и различия».

⁹¹ Там же. – Ч. 4. – С. 16.

⁹² Словарь Академии Российской. – Ч. 2. – СПб., 1790. – Стлб. 33.

мент. Это была новая, вполне научная интерпретация, обозначившая направление дальнейших терминологических поисков.

Автор фундаментального для середины XIX в. труда «Русская геральдика» А.Б. Лакиер проявил при определении сущности герба индифферентность, прибегнув к спорной формулировке, что понятие слишком «общеизвестно для того, чтобы [...] могло нуждаться в пояснении»⁹³. Отчасти суть герба раскрывалась им через взаимоотношения с родственными явлениями. А.Б. Лакиер отмечал, что нельзя смешивать гербы с символами или «символическими знаками». Исходя из того, что эмблемы входят в состав гербов, он был склонен рассматривать последние как наследуемые эмблемы. С другой стороны, исследователь подчеркивал органическую связь геральдики со сфрагистикой, отмечая, что печати становятся гербами, когда обретают наследственность⁹⁴. Таким образом, хронологический фактор играл в теоретических построениях А.Б. Лакиера доминирующую роль. Отказ от более четких дефиниций объяснялся, видимо, желанием придать своим идеям концептуальность. Определение герба, которое он имел возможность заимствовать из западной историографии или предложить самостоятельно, могло вступить в противоречие с создаваемой им археологической концепцией⁹⁵, которая интерпретировала термин более широко, чем историческая наука середины XIX в.

В XIX в. использовались также другие дефиниции, не вполне четкие и однозначные. В них герб сближался либо с эмблемой, либо со знаком⁹⁶. Подчеркивались также иконографическая специфика, опознавательная функция или юридические аспекты (правообладание). В большинстве случаев повторялись идеи, высказанные в XVIII в. Однако накопленный опыт герботворчества стимулировал необходимость комплексного толкования.

Интеграция разрозненных трактовок произошла в ходе практической деятельности по разработке гербов. Результатом формально-геральдических изысканий, проведенных в середине XIX в. Департаментом Герольдии Правительствующего Сената, ста-

⁹³ Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 15.

⁹⁴ Там же. – С. 127, 132.

⁹⁵ О ней см. с. 143–153 настоящей монографии.

⁹⁶ Воронец Е.Н. Четырехсотлетие российского государственного герба. – [2-е изд., доп.]. – Харьков, 1898. – С. 13.

ло понимание, основанное на синтезе трех признаков. Герб трактовался как «эмблематическое изображение, составленное по правилам геральдики и утвержденное верховной властью»⁹⁷. Таким образом, для признания за изображением соответствующего статуса требовалось, чтобы оно, во-первых, являлось «эмблематическим», т. е. состояло из эмблем, во-вторых, соответствовало некоей визуальной модели и, в-третьих, обладало правомочностью, будучи юридически закреплено. Подобная трактовка отражала официальную точку зрения на сущность герба и формировалась на основе европейской историографической традиции. Несмотря на схематизм она оказалась приемлемой для научного познания. Со временем эта дефиниция приобрела универсальный характер, закрепилась в геральдической литературе⁹⁸, а ее совершенствование происходило через модификацию отдельных компонентов, выразившуюся до начала XX в. слабо.

Менялась формулировка сущности явления как «эмблематического изображения», чрезмерно сближавшая герб с эмблемой и не вполне четко проводившая между ними качественную границу. На рубеже XIX–XX в. ее стало вытеснять более широкое по смыслу и правильное по сути указание на символизм герба («символическое изображение»)⁹⁹. Эта корректировка терминологически переосмысливала устаревавшую дефиницию. Истолкование через эмблематическое начало апеллировало преимущественно к визуальной стороне герба, а указание на символизм в большей степени ориентировалось на его семантику, смысл, информацию. Не вполне корректным стало казаться также слово «изображение». В начале XX в. вместе с уточнением представлений о генезисе и истоках геральдики произошло повторное обращение к уже бытовавшему в XVIII – первой половине XIX в. понятию «знак», подводившему герб под пространное родовое понятие¹⁰⁰.

⁹⁷ Цит. по: *Борисов (Ильин) И.В.* Родовые гербы России. – М., 1997. – С. 40.

⁹⁸ *Винклер П.П. фон.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в «Полное собрание законов» с 1649 по 1900 г. – М., 1990. – С. 2.

⁹⁹ *Винклер П.П. фон.* Герб, гербоведение // Энциклопедический словарь. – Т. 15. – СПб., 1892. – С. 460; *Он же.* Гербы городов... – С. 2; *Воронец Е.Н.* Указ. соч. – С. 14; *Лукомский В.К.* Гербоведение и герб // Новый энциклопедический словарь. – Т. 13. – СПб., [1913]. – Стлб. 158; *Белинский В.Е.* Указ. соч. – Вып. 2. – С. 88.

¹⁰⁰ *Воронец Е.Н.* Указ. соч. – С. 13; *Лукомский В.К.* Указ. соч. – Стлб. 154; *Черепнин В.А.* Герб // Энциклопедический словарь. – Т. 13. – М., [1913]. – Стлб. 374.

Возрастание политической роли государственной символики, активное использование ее в идеологических и пропагандистских целях, определение познавательных приоритетов способствовали появлению особых дефиниций для государственного герба¹⁰¹. В них сохранялось общее понимание герба как символа, знака, но отсутствовали акценты на формально-иконографические признаки. Вместо этого обозначалась сфера использования символов (на государственной печати, монетах, знамени) и подчеркивался международный аспект (через интерпретацию герба как «внешнего символа»).

Несмотря на позитивные изменения в терминологическом аппарате, во второй половине XIX – начале XX в. отмечалось смешение понятий «герб» и «символ». Такая ситуация особенно характерна для археологических работ или исследований, преимущественно использовавших материалы, обнаруженные при раскопках. В них гербами ошибочно именовался широкий круг самых различных символов, орнаментов и эмблем. Нумизмат граф И.И. Толстой, например, называл «первыми русскими гербами» знаки Рюриковичей¹⁰². В соответствии с данной тенденцией на рубеже XIX–XX в. стало развиваться учение о существовании на Руси некоей «первобытной геральдики», под которой подразумевались системы древнерусских родовых знаков¹⁰³. Познавательной основой для подобных смысловых и терминологических инверсий оказалась концепция А.Б. Лакиера о древности национальной геральдики.

Начало XX в. ознаменовалось многочисленными попытками усовершенствовать терминологический аппарат гербоведения, без чего было немислимо его формирование и развитие в качестве научного знания. Это коснулось также понятия «герб». Предлагались альтернативные дефиниции¹⁰⁴, но большинство из них оказались неудачны, поскольку либо опирались на устаревшие методологические подходы, либо осмысливали явление локально. Широко использовалась предложенная в XIX в. интерпретация через

¹⁰¹ Воронец Е.Н. Указ. соч. – С. 13.

¹⁰² Толстой И.И. *гр.* Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. – СПб., 1882. – С. 165–186.

¹⁰³ Орешников А.В. Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах // Археологические известия. – 1894. – № 10. – С. 306.

¹⁰⁴ В.Е. Белинский в статье «Герб» привел три различных дефиниции (Белинский В.Е. Указ. соч. – Вып. 2. – С. 88).

триаду «символизм-иконография-право». Ее положительная сторона заключалась в универсальности, возможности применения к любой разновидности гербов вне зависимости от пространственной и хронологической локализации¹⁰⁵.

Прежде всего, совершенствовалась трактовка иконографического критерия. Сложность его формулировки состояла в том, чтобы четко обозначить, какой именно визуальной парадигме должен соответствовать герб. Предлагавшиеся уточнения («известные правила», «точные законы»)¹⁰⁶ не являлись адекватными, мало что проясняли. Археолог и нумизмат В.А. Черепнин сместил акцент с соответствия неким правилам на специфику формы герба («определенной формы неизменяемый знак»)¹⁰⁷, но его удачное предложение не было воспринято. Иную интерпретацию предложил В.Е. Белинский, который придерживался описательного подхода и в дефиниции просто кратко перечислил правила формальной геральдики. Он писал, что герб – «определенно-своеобразное изображение условных фигур, существ естественных и фантастических, а равно предметов неодушевленных окружающей обстановки, имеющих символическое значение или просто случайно избранных, составленное на основании точных правил геральдики»¹⁰⁸.

Визуальный компонент воспринимался как чрезвычайно важный. С определенной визуальной моделью ассоциировалось само формирование института герба. Как отмечалось, знак стал называться в XII в. гербом, когда его начали помещать на щите и шлеме рыцаря¹⁰⁹. Даже если в дефиниции указание на иконографию отсутствовало, оно стабильно наличествовало в дальнейших пояснениях¹¹⁰.

Трудности возникали также при интерпретации юридического признака. Официальное требование утверждения герба «вер-

¹⁰⁵ Не вполне понятно, почему в начале XX в. потребовалось особое определение для изображений государственных гербов на предметах военного снаряжения и обмундирования (Гербы // Новый энциклопедический словарь. – Т. 13. – СПб., [1913]. – Стлб. 162). Обоснованность такой терминологической дифференциации вызывает серьезные сомнения.

¹⁰⁶ Винклер П.П. фон. Герб, гербоведение – С. 460; Он же. Гербы городов... – С. 2.

¹⁰⁷ Черепнин В.А. Указ. соч. – Стлб. 374.

¹⁰⁸ Белинский В.Е. Указ. соч. – Вып. 2. – С. 88.

¹⁰⁹ Герб // Большая энциклопедия. – Т. 6. – СПб., 1902. – С. 489.

¹¹⁰ Лукомский В.К. Указ. соч. – Стлб. 154.

ховной властью» вступало в противоречие с геральдической практикой и исторической ретроспективой. Если следовать правовому критерию буквально, то оказывался неясным статус изображений, относящихся к периоду генезиса геральдики, поскольку не все из них юридически утверждались. С другой стороны, в культуре российского дворянства XVIII – начала XX в. бытовало множество рисунков, которые по разным причинам не представлялись для официального утверждения, но во всем остальном были полноценными гербами. Последнее обстоятельство учитывал В.К. Лукомский, целенаправленно изучавший самобытные гербы. Он никогда не считал факт правового признания обязательным критерием герба¹¹¹. Аналогичной позиции, по всей видимости, придерживались Ю.В. Арсеньев¹¹², в учебном курсе которого большое место занимало описание генезиса геральдики, и В.Е. Белинский, подчеркивавший двоякую возможность обретения герба – по наследству или по пожалованию от монарха¹¹³.

Еще одна трудность при интерпретации юридического критерия состояла в том, что признание права утверждения гербов исключительно за верховной властью опиралось на реалии российского общества и не в полной мере отражало опыт других стран. С учетом зарубежной ситуации предлагались менее жесткие формулировки; в частности, признавать за изображением статус герба, если оно про-сто утверждено в «установленном порядке»¹¹⁴.

В некоторых случаях право утверждения герба верховной властью сближалось с практикой его пожалования и объяснялось исходя из исторических реалий. В.А. Черепнин обосновывал подобную ситуацию следующим образом¹¹⁵: необходимость юридической санкции стала результатом стремления использовать герб в качестве социальной границы, что было возможно при помощи регули-

¹¹¹ Там же.

¹¹² Арсеньев Ю.В. Указ. соч. – С. 107. Ю.В. Арсеньев писал, что гербом можно было пользоваться «лишь не иначе, как на известных, предусмотренных законом основаниях или же только с разрешения высшей государственной власти, и лишь в тех случаях, когда на этом основывалось известное законное притязание» (Там же. – С. 108).

¹¹³ Белинский В.Е. Указ. соч. – Вып. 2. – С. 88.

¹¹⁴ Черепнин В.А. Указ. соч. – Стлб. 374.

¹¹⁵ Там же.

рования прав конкретных лиц на него. Герольды, гербовые судьи, сами рыцари не могли обеспечить такого контроля практики, поэтому право пожалования и утверждения гербов перешло к государству, точнее – к верховной власти.

Модификацией официально обязательного критерия можно считать перечисление в дефинициях физических и юридических лиц, которые обладают правом владения и пользования гербами¹¹⁶. Такой прием имел то преимущество, что одновременно возникало основание для систематизации гербов по категориям владельцев. Он также вполне соответствовал позитивистской методологии, склонной к описанию и упорядочению объектов изучения.

Кроме основных критериев в историографии перечислялись второстепенные характеристики герба. Практически постоянно присутствовал тезис о наследственности. В строгом смысле слова его можно использовать только для родовой геральдики, но это обстоятельство часто не учитывалась¹¹⁷, а характеристика распространялась также на территориальные и государственные гербы¹¹⁸. Критерий наследственности применим и к ним, но не в значении прямой передачи от предков к потомкам, а как традиция, как преемственность, реализуемая через сохранение формы (иконографии) и содержания (семантики) в некоей длительности¹¹⁹. Наиболее четко определил пределы бытования признака наследственности (привилегированное сословие) В.К. Лукомский¹²⁰, однако его позиция не стала общепризнанной.

В литературе многократно подчеркивались семантические аспекты государственного герба, которые постепенно модифицировались в признание за ним особой политико-идеологической функции. Он трактовался как «внешний символ государства, выражающий идею государственного могущества и представляющий собой внешнее изображение титула Императорского Величества»¹²¹.

¹¹⁶ *Белинский В.Е.* Указ. соч. – Вып. 2. – С. 88.

¹¹⁷ *Лакиер А.Б.* Указ. соч. – С. 132; *Булгаков Ф.И.* Художественная энциклопедия. – Т. 1. – СПб., [1886]. – С. 191.

¹¹⁸ В.Е. Белинский писал о гербе как изображении, «наследственно передаваемом роду, местности или государству» (*Белинский В.Е.* Указ. соч. – Вып. 2. – С. 88).

¹¹⁹ *Черепнин В.А.* Указ. соч. – Стлб. 374.

¹²⁰ *Лукомский В.К.* Указ. соч. – Стлб. 154. Схожие мысли высказывались и другими авторами: *Русская энциклопедия.* – Т. 5. – СПб., [1913]. – С. 316.

¹²¹ *Герб государственный* // *Большая энциклопедия.* – Т. 6. – СПб., 1902. – С. 489–490.

Основной для герба на рубеже XIX–XX в. продолжала считаться опознавательная функция, но развитие научных знаний способствовало выявлению и других. Фундаментальным новшеством стала идея о функции исторического источника, на изучении которой основывалась источниковедческая концепция герба¹²².

Предложенные в начале XX в. интерпретации вполне адекватно отражали сущность герба. Это обусловило их устойчивость во времени. Однако в 1920-е – 1930-е гг. появились попытки откорректировать теоретический опыт в соответствии с новой методологией, с «марксистско-ленинским» пониманием прошлого.

В начале 1920-х гг. некоторые авторы, чтобы вывести институт герба из-под идеологической критики, пытались доказать отсутствие связи между ним и определенным общественно-политическим (монархическим) строем¹²³. В рамках такой тенденции традиционная опознавательная функция, связанная с социально-политической идентификацией элиты, подменялась более нейтральной – «характеризовать» владельца. Герб осмысливался как выражение сущности армигера через присущие ему признаки (свойства), реализуемые в графической, визуальной форме. Благодаря такому механизму идентификации один субъект отличался от другого при помощи герба. Свойство любого субъекта предлагалось выражать геральдически благодаря заранее известной совокупности графических знаков. Уподобляя эволюцию гербов развитию письма (от идеографического, символического к буквенно-звуковому), авторы идеи сравнивали герб со своеобразным ребусом¹²⁴. Особо выделялась группа гласных гербов, в которых происходила интеграция случайных зрительных образов «на основании чисто внешних фонетических ассоциаций»¹²⁵. В остальных «метод ребуса» позволял передать любое свойство субъекта. Такой тезис по-новому объяс-

¹²² Подробнее см. с. 199–206 настоящей монографии.

¹²³ *Огранович С.М.* Символика гербов // Среди коллекционеров. – 1921. – № 6/7. – С. 20–24; *Савонько В.С.* Родовой герб как графическое выражение фамилии // Там же. – 1922. – № 3. – С. 28–30; *Ларионов А.* О символике родовых гербов // Там же. – № 9. – С. 23–25.

¹²⁴ Мысль о сходстве гербов с ребусами ранее высказывалась, хотя и вскользь, Д.Н. Егоровым, см.: *Егоров Д.Н.* Славяно-германские отношения в Средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. – Т. 1. – М., 1915. – С. 394.

¹²⁵ *Ларионов А.* Указ. соч. – С. 25.

нял взаимодействие иконографического и семантического компонентов, но встретил резкое неприятие со стороны других геральдистов¹²⁶. Между тем, несмотря на наивность построений, объективно он закладывал основу для информационного подхода к пониманию сущности герба, конкретизируя не в полной мере осмысленную предыдущей историографией знаковость. Одновременно подобные рассуждения способствовали понижению статуса явления. Даже условное уподобление герба ребусу нельзя считать корректным. Близкую трактовку предлагал К.И. Дунин-Борковский, приравнявший герб к визитной карточке¹²⁷. Однако в целом эти теории исходили из классического понимания сущности герба.

Гораздо более негативное значение для научной геральдики имела другая тенденция, развивавшая ошибочные идеи предыдущих археологических работ. Она заключалась в искусственном расширении понятия. Гербами стали называть многочисленные знаки, эмблемы, символы, которые встречались на памятниках материальной культуры и относились к любым периодам и регионам. Такая экстраполяция имела серьезные теоретические последствия. Герб, бывший результатом развития европейской христианской культуры Средневековья, становился вневременным и внерегиональным явлением, необходимым при изучении предметов археологии, искусства, быта. Расширенная трактовка была историографическим регрессом, возвратом к ситуации середины XIX в., когда геральдика не вполне четко выделялась из археологии. С другой стороны, она оказывалась необходимой для сохранения накопленного научного потенциала, поскольку познавательное значение гербоведения в 1920-е – 1930-е гг. всячески принижалось официальной советской наукой. Не случайно, что даже В.К. Лукомский, прекрасно осознавая типологическое отличие гербов от других знаков, поддержал новую интерпретацию.

Его позиция по данному вопросу эволюционировала со временем. В 1929 г. он следовал классической трактовке герба¹²⁸, но через 10 лет уже отстаивал дуализм явления, писал о «широком» и «узком» понимании. В первом случае под гербом предлагалось под-

¹²⁶ Лукомский В.К. Обзор трудов по генеалогии, геральдике и сфрагистике... – С. 81.

¹²⁷ Дунин-Борковский К.И. Указ. соч. – Стлб. 567.

¹²⁸ Лукомский В.К. Геральдика // БСЭ. – Т. 15. – М., 1929. – Стлб. 423.

разумевать «всякое графическое изображение, так или иначе символизирующее отдельную территорию (страну или поселение), юридическую организацию, целый род или отдельное лицо как члена его», во втором – «графическое изображение», подчиненное формальным иконографическим правилам¹²⁹. В подобном тезисе заключалась серьезная опасность. Предмет и границы специфического геральдического познания становились нечеткими.

Это подтверждает последующая историография. Термин «герб» в несвойственном значении использовался в отдельных исторических и, чаще, археологических исследованиях. В советский период гербами называли книжные миниатюры, элементы архитектурного декора, изображения на печатях и предметах декоративно-прикладного искусства. Если одни авторы были осторожны, как, например, Б.А. Рыбаков, который, определяя сущность княжеских знаков, признавал их знаками достоинства и лишь как бы «своего рода гербами»¹³⁰, то другие прямо оперировали термином без каких-либо оговорок. Например, В.С. Драчук называл гербами знаки сарматских и боспорских правителей, употреблявшиеся задолго до возникновения подлинной геральдики. Он прямо утверждал, что «первыми гербами были эмблемы на печатях, монетах, медалях древних государств», относя их возникновения к Шумеру и датируя III тысячелетием до н. э.¹³¹

Распространению широкого толкования способствовало стремление анализировать гербы в контексте приоритетной для марксистско-ленинской методологии проблематики, а именно – в зависимости от правовых и, особенно, экономических факторов. В соответствии с такой тенденцией возникали новые аспекты в трактовке сущности герба. К.И. Дунин-Борковский подробнее, чем было принято в предшествующей историографии, подчеркивал юридические моменты, а В.К. Лукомский однозначно называл герб знаком собственности, «закрепляющим “право” владения той или иной вещью или недвижимой собственностью за самим гербовла-

¹²⁹ Лукомский В.К. Гербовая экспертиза (случаи и способы применения) // Архивное дело. – 1939. – № 1. – С. 46.

¹³⁰ Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // Советская археология. – 1940. – № 6. – С. 229.

¹³¹ Драчук В.С. Рассказывает геральдика. – М., 1977. – С. 21.

дельцем или его наследниками»¹³², а заодно «эмблемой эксплуатации» и орудием классовой борьбы. Признание за гербом экономического подтекста само по себе не может вызвать сомнений, но в историографической ситуации эпохи тоталитаризма оно стало элементом, который позволял рассматривать гербы и любые знаки как явления полностью тождественные. Тезис «герб – знак собственности», имевший реальный смысл только в таком виде, приобрел обратный смысл «знак собственности – герб». Такую интерпретацию предлагал А.А. Ураносов. Он не только объявил знаки собственности Древней Руси гербами, но даже интегрировал свою трактовку в классическую модель дефиниции: «Гербами называются знаки собственности, т. е. особые эмблемы, имеющие наследственный характер и являющиеся постоянными отличительными знаками государства, города, учреждения, дворянского рода и т. д.»¹³³.

В 1960-е – 1970-е гг., в условиях ослабления идеологического давления на историческую науку понятийно-терминологическая ситуация в геральдике оставалась противоречивой. С одной стороны, бытовали интерпретации, прямо восходившие к традиции императорского периода, с другой – предлагались дефиниции, схожие с идеями В.К. Лукомского советской эпохи.

Акцент на политическом и идеологическом значении гербов способствовал распространению в третьей четверти XX в. самостоятельных трактовок государственного герба. Они мало отличались друг от друга и кроме указания на знаковость отмечали возможное использование (на печатях, бланках, денежных знаках, фасадах зданий). Такой момент часто заимствовался из законодательных актов. Функцией государственного герба виделось создание «в условном и доступном зрительному восприятию символе представления о стране, ее народе и общественном строе».

В.И. Стрельский считал необходимым пересмотр традиционных толкований сущности герба, в том числе и предложенных В.К. Лукомским. Объектом критики он избрал представление о гербе как изображении, состоящем из предметов рыцарского обихода и снаряжения, т. е. такое, которое признавалось устаревшим

¹³² Дунин-Борковский К.И. Указ. соч. – Стлб. 566–580; Лукомский В.К. Гербовая экспертиза... – С. 47.

¹³³ Ураносов А.А. Указ. соч. – С. 25.

уже в начале XX в. Ссылаясь на территориальные и хронологические ограничения подобной дефиниции, В.И. Стрельский утверждал, что данное понимание «неизбежно приведет к игнорированию гербов стран, не участвовавших в крестовых походах и не знавших рыцарских турниров», а также к непризнанию поздних, в том числе советских гербов. Еще одним недостатком называлось то, что «при рассмотрении генезиса гербов совершенно исключается вопрос об эмблемах и знаках, предшествующих гербу»¹³⁴. Перечисленные аргументы нельзя признать обоснованными и объективными. Даже не принимая во внимание мистификацию трактовки, которую критиковал В.И. Стрельский, следует констатировать, что ни гербы стран, не имевших рыцарства, ни гербы новейшего времени никогда не исключались из сферы исследования. Что же касается эмблем и знаков, которые были источниками при формировании геральдического пространства¹³⁵, то их изучение для выяснения и генезиса отдельных гербов, и геральдики в целом возможно без прямого отнесения к предмету дисциплины, в качестве реализации одной из ее внешних (трансцендентных) связей. Построения В.И. Стрельского были умозрительны, конъюнктурны, идеологически ангажированы и направлены не столько на уточнение понятийно-терминологического аппарата, сколько на дискредитацию гербоведения как научного знания.

Особенная политизация наблюдалась при определении специфики советских гербов. Их пытались настойчиво отделить от имперских, хотя речь шла о явлениях одного статуса. Прежде всего, они однозначно причислялись к категории политических эмблем, которые «олицетворяют нашу великую Родину, выражают идеи и принципы социалистической действительности», интернациональный характер Советской власти, образ жизни советских людей, демонстрируют «новую, социалистическую идеологию, соответствующую новому типу государства»¹³⁶.

Параллельно с герменевтическими новациями после 1917 г. продолжали развиваться традиционные представления о сущно-

¹³⁴ Стрельский В.И. Указ. соч. – С. 32.

¹³⁵ Этот аргумент, кстати, используется до сих пор и служит некорректным основанием для расширения исследовательского пространства гербоведения.

¹³⁶ Поцелуев В.А. Указ. соч. – С. 52; Герб государственный // БСЭ. – 2-е изд. – Т. 10. – [М., 1952]. – С. 603.

сти герба. Установившаяся еще в начале XX в. схема дефиниции через триаду «символизм-иконография-право» получила распространение благодаря справочной и учебной литературе и продолжала использоваться. Модификации ее были незначительны, имели не смысловой, а редакционный характер. В частности, В.И. Лавренов, уточняя иконографический критерий, дал следующую дефиницию: «Герб – изображение, имеющее единую композицию, состоящую из ряда принятых элементов, составленных на основе особых, хотя и условных правил». На самом деле, детализация привела к еще большей неопределенности, поскольку остались совершенно не ясными статус («изображение»), смысл понятия («единая композиция»), а также на основании каких «особых правил» составляются неизвестно кем принятые элементы. Подобное определение понятно только для тех, кто уже представляет закономерности формальной геральдики.

Несмотря на приоритет источниковедческой концепции в XX в. отсутствовали сколько-нибудь серьезные попытки определить герб именно источниковедчески. Их не предпринял даже В.К. Лукомский, который не только вполне последовательно разрабатывал соответствующие идеи, но и прямо назвал одну из своих работ «Герб как исторический источник»¹³⁷. Возможно, ситуация объяснялась давлением историографической традиции толкований и специфической интерпретацией сущности герба, признававшей его «особым видом исторического источника»¹³⁸, который имеет значение через диалог «герб – материальный носитель». Происходило своеобразное экстраполирование источниковедческой информации. Как писал В.К. Лукомский: «Благодаря гербу вещественный или документальный памятник получает более широкое значение в качестве исторического источника, так как герб раздвигает пределы научного исследования и прибавляет к изучению вещи ряд новых и очень существенных данных»¹³⁹.

В поздней советской литературе возникали сомнения, к какому типу источников – вещественному или письменному – следует

¹³⁷ Лукомский В.К. Герб как исторический источник // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Вып. 17. – М.; Л., 1947. – С. 49–57.

¹³⁸ Там же. – С. 50.

¹³⁹ Там же.

относить гербы. Пытаясь разрешить эту проблему, Л.Н. Пушкарев причислил их к переходной группе, к памятникам, находящимся на грани вещественных и письменных источников¹⁴⁰. Однако в конкретной ситуации, когда, например, герб изображен на листе бумаги, такая постановка вопроса утрачивает смысл.

К концу XX в. ощущалась неразработанность понятийно-терминологического аппарата, его несоответствие потребностям интенсификации геральдического познания. Шаги к модернизации предпринимались на рубеже 1970-х – 1980-х гг. Опираясь на анализ опыта отечественной и европейской (в первую очередь, чешской и польской) историографии, сохраняя иконографический и правовой критерии, предлагалось видеть в гербе особый опознавательно-правовой, конвенциональный знак, а поскольку формулировка давалась применительно к территориальной геральдике, то было указано на дополнительную функцию – символизировать городской суверенитет, обладание определенными правами¹⁴¹. Такая интерпретация оказалась удачной; она определяла знаково-информационный статус герба и указывала на единство опознавательных функций, что вполне полно отражало специфику института. Проблема четкой дефиниции связывалась с всесторонним осмыслением социальной сущности явления, декларировалась необходимость подхода к гербу как способу коммуникации, средству передачи информации, осуществленной в специфической форме¹⁴². На протяжении 1980-х – 1990-х гг. теория о социальной природе герба была признана¹⁴³.

На рубеже 1980-х – 1990-х гг. стали акцентироваться различия между гербом и эмблемой в семантико-историческом аспек-

¹⁴⁰ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М., 1975. – С. 195, 256.

¹⁴¹ Соболева Н.А. Проблемы изучения гербов дореволюционной России // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. – Ч. 2. – М., 1979. – С. 274; Она же. Российская городская и областная геральдика... – С. 15. До нее о необходимости понятийно-терминологических совершенствований заявлял В.И. Стрельский, но никаких мер для этого не предпринял (Стрельский В.И. Указ. соч. – С. 31).

¹⁴² Соболева Н.А. Проблемы изучения... – С. 273–274.

¹⁴³ Вспомогательные исторические дисциплины: историография и теория. – С. 161; Кандауров И.И., Стрелова О.Ю. Символика Хабаровского края. – Хабаровск, 1997. – С. 38; Специальные исторические дисциплины. – Киев, 1992. – С. 94.

те. Как отмечалось, между ними имеется большое визуальное единство, но внутренне они совершенно не тождественны. Эмблема становится гербом только тогда, когда выражает определенную социальную и правовую систему отношений¹⁴⁴. Методическое значение данной идеи состояло в том, что появилась возможность анализировать герб как многогранное явление, которое концентрирует несколько смысловых слоев (правовых, социальных, культурологических, ментальных). Такая постановка проблемы соответствовала современным тенденциям исторического познания. Она уделяла миросозерцанию и мировосприятию разных эпох самое пристальное внимание, события прошлого анализировались в антропологических категориях. С другой стороны, тезис отразил наметившееся в 1990-е гг. стремление осмысливать прошлое альтернативно, давать множество интерпретаций, использовать одновременно различные методологические подходы и методические приемы.

В конце XX в. возросла субъективность трактовок, активное влияние на понятийный аппарат оказывали герботворчество и поиск новой методологической парадигмы.

Формирование в Российской Федерации новой знаковой системы, изменение государственной символики, массовое создание территориальных гербов, рост социальной роли гербовой практики требовали правовой регуляции, разработки специфического законодательства. Это повлекло возрастание роли правового критерия, гербу давались дефиниции с позиций юридической науки. Особенно такие тенденции характерны для изданий, связанных с геральдической службой Российской Федерации, и для законодательных актов. Каждая из групп гербов получила собственную правовую трактовку. Территориальные назывались «важными представительски-правовыми знаками, выражающими права и авторитет органов власти»¹⁴⁵, родовая геральдика связывалась с представлениями о роде как субъекте и (или) объекте права¹⁴⁶. Герб объявлялся неотъемлемой собственностью физического или юридического лица, объектом лицензионной деятельности¹⁴⁷. Подобные тео-

¹⁴⁴ Введение в специальные исторические дисциплины. – М., 1990. – С. 42, 45.

¹⁴⁵ Медведев М.Ю. Территориальные и муниципальные гербы. – СПб., 1998. – С. 5.

¹⁴⁶ Совещание по вопросам личной (родовой) геральдики... – С. 19.

¹⁴⁷ Ковалевский В.Ф. Геральдической деятельности – лицензионный контроль! // Правительство–город–люди. – 1999. – № 12. – С. 107–111.

ретические положения быстро привели к формированию новых понятийных категорий, используемых в сфере геральдической практики: «герб субъекта Российской Федерации», «герб муниципального образования». Эти интерпретация более корректны, чем примитивное отождествление герба и знака органов власти. Прагматическая трактовка детализировалась в выражаемых гербами правах местных институтов государственной власти: самоуправление, юрисдикция органов и т. д.

Следствием правовой активности стало положение о визуальных особенностях герба муниципального образования. Поскольку он символизировал самостоятельность города или района, то декларировалась его эмблематическая «чистота», т. е. исключение какого-либо символического обозначения административно-территориальной принадлежности (например, областной)¹⁴⁸. Так геральдически отразился рост правовой, политической и экономической самостоятельности регионов России. Однако практика герботворчества пришла в противоречие с этим теоретическим требованием. В гербах часто помещались эмблемы, указывающие на региональную принадлежность.

В начале 1990-х гг. возникло несколько общественных организаций, присвоивших себе права на разработку и утверждение официально игнорируемых частных гербов. Потребность обеспечить их деятельность какими-либо теоретическими основаниями (поскольку утверждение гербов никогда не было прерогативой негосударственных объединений) обусловило очередную модификацию в формулировке юридического критерия герба. Декларировалась альтернативная возможность утверждения герба – либо традиционной верховной властью, либо «соответствующей геральдической организацией»¹⁴⁹. В последнем случае корректировалось и понятие утверждения: для общественных объединений предусматривалась только возможность фиксации, которая, конечно, фактически лишала герб юридического значения. Нечеткая, противоречивая формулировка «соответствующая геральдическая организация» созда-

¹⁴⁸ Онучин А.Н. Правовой статус герба муниципального образования // Известия... – С. 30.

¹⁴⁹ Сметанников И.С. Кодекс Русской геральдической коллегии // Гербовед. – 1995. – № 7. – С. 121.

вала условия для деятельности в Российской Федерации частных, самозванных герольдов. Разумеется, что подобные терминологические «новации» характерны для популярной литературы и не проникали в научные труды.

В современном понимании правовая сущность герба неразрывно связана с политическими факторами. В проекте закона о территориальной геральдике Российской Федерации прямо подчеркивалось, что гербы должны выражать «достоинство, административное и историческое значение региона». Соответствующим образом был дополнен перечень функций герба. Выдвигалось предложение кроме опознавательной выделять правовую (представление владельца в качестве субъекта права) и репрезентативную функции¹⁵⁰. Под последней понималось парадное, торжественное использование знака.

В 1990-е гг. продолжал осмысливаться тезис о связи между территориальными гербами и самоуправлением, в методологическом отношении опиравшийся на теорию об их социальной сущности, отражении экономической, административной и культурной самостоятельности города. Как подчеркивалось, региональный герб, являясь элементом государственного устройства, дуалистичен по сути, одновременно символизируя целостность государства и автономию отдельных земель¹⁵¹. Связь самоуправления с геральдикой приобрела актуальность в контексте модернизации системы местного самоуправления Российской Федерации, расширения прав субъектов и муниципальных образований, создавала методологическую основу для развития пространства территориальной геральдики.

Другая тенденция в понимании сущности герба заключалась в признании его культурологического смысла. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. приобрела популярность идея о гербе как своеобразном воплощении культурного и исторического наследия. Она не была принципиально новой и выдвигалась еще в 1960-е – 1970-е гг.¹⁵², но тогда обращение к ней преследовало цель оправдать полузабытый институт, привлечь к геральдическому опыту внимание. В ситуации обновления исторического знания данный постулат приобрел

¹⁵⁰ Медведев М.Ю. Территориальные и муниципальные гербы. – С. 5.

¹⁵¹ Соболева Н.А. [Рецензия] // ВИ. – 1995. – № 11/12. – С. 168.

¹⁵² Арциховский А.В., Коротков Ю.Н., Луппол А.Н. Герб // БСЭ. – 3-е изд. – Т. 6. – М., 1971. – С. 348; Щебеньков Ю.М. Герб // Советская военная энциклопедия. – Т. 2. – М., 1976. – С. 525.

иное значение, содержал призыв к возрождению полноценного герботворчества и гербоведения.

В энциклопедии «Отечественная история» (1994 г.) был сделан неожиданный акцент на то, что герб – «исторически сложившийся символ, истоки которого связаны с тотемизмом»¹⁵³. Этнографический аспект генезиса не носил универсального характера. Далекое не все гербы связаны с древними эмблемами, тем более с тотемизмом; большинство из них не складывались исторически, эволюционно, а, наоборот, часто составлялись формально, при пожаловании в дворянство. Поэтому приведенное толкование спорно и семантически локально. Однако энциклопедический статус издания способствовал его повторению в других работах¹⁵⁴.

В геральдической мысли начала XXI в. выделяется убедительно доказанная идея Г.И. Королева о постепенном обособлении категории «герб» от понятия «печать». Этот процесс начался во второй половине XVI в. и завершился в последней трети XVII в.¹⁵⁵. Терминологически и сущностно он отражал становление геральдического пространства России.

Популярные работы 1990-х гг. содержали тезис об элитарности герба, который, хотя доступен для каждого и отражает выдающиеся личные качества владельца, есть «символ благородных поступков, ярких свершений, служения правде и справедливости»¹⁵⁶. Частный герб связывался с единством рода, предлагалось понимать его как визуальное проявление персонифицированной связи прошлого, настоящего и будущего, чести и достоинства семьи¹⁵⁷. Он декларировался как некое «геральдическое наследство», значение и ценность которого со временем возрастают. В контексте подобного отношения получила новую трактовку проблема «герб – визитная карточка». Если раньше она относилась только к городским

¹⁵³ Штакельберг Ю.И. Геральдика // Отечественная история. – Т. 1. – М., 1994. – С. 537.

¹⁵⁴ Шаповалов В.А. Основы российской геральдики. – Белгород, 1997. – С. 4.

¹⁵⁵ Королев Г.И. Развитие представлений о гербе как особом виде знаков в России в XVI–XVII веках // Гербовед. – 2007. – № 99. – С. 44–47.

¹⁵⁶ Снопков С. Ваш собственный фамильный герб // Спутник. – 1996. – № 9. – С. 70;

Пустовит А. Больше, чем визитная карточка // Огонек. – 1995. – № 34. – С. 88.

¹⁵⁷ Сазонов А. Живая геральдика // Полиграфист и издатель. – 2000. – Июль–август. – С. 110.

гербам, то теперь ориентировалась также и на частные. Подобные высказывания, проникнутые излишним пафосом, гиперболизацией и далекие от научного познания, преследовали сугубо прагматические цели, свидетельствовали об изменениях в общественном сознании и массовой культуре. Теория элитарности герба, бытовавшая в XVIII в., неожиданно возродилась на пороге нового тысячелетия, и это стало индикатором значительных социальных изменений, формирования «новой элиты».

В некоторых работах 1990-х гг. сущность герба рассматривалась через анализ его функций. Предпринималась попытка дать их перечень, опираясь на высказанное еще Д.Н. Егоровым положение об изменчивости герба, его постоянной эволюции. В данном варианте функции городского герба, которые можно экстраполировать и на геральдику в целом, выглядели следующим образом: превентивные, контрольно-сертификационные, коммуникативные, стратификационные¹⁵⁸.

До настоящего времени используется «широкая» трактовка В.К. Лукомского, опирающаяся на безусловный научный авторитет ученого. Она дает основания дилетантам, активно заявляющим о себе в современной геральдике, предлагать абсурдные, антинаучные дефиниции.

В конце XX в. бытование и даже целенаправленная пропаганда расширенного толкования герба привели к введению термина «геральдический знак», противоречивого по смыслу, поскольку герб сам по себе является знаком. Большую неопределенность вносят попытки дать этому термину трактовку. Например, утверждалось, что «геральдический знак – визуально воспринимаемый знак, разработанный и утвержденный в соответствии с действующим законодательством»¹⁵⁹. В ней присутствует явная узурпация правового критерия, свойственного гербу; кроме того, умалчивается о том, что знак, кроме визуального, имеет еще и вербальный (через словесное описание) способ трансляции. К категории геральдических знаков был отнесен широкий круг объектов: знамена, флаги,

¹⁵⁸ Черных А.П. Геральдика в средневековом городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – Т. 3. – М., 2000. – С. 222.

¹⁵⁹ Первая научно-практическая военно-геральдическая конференция «Геральдическое обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации: содержание и перспективы развития». – М., 1999. – С. 20.

медали, нарукавные знаки, спортивные награды и т. д. Эмблематический статус этих изображений отмечался в литературе¹⁶⁰, но, тем не менее, использование применительно к ним понятия «геральдический знак» крайне спорно. Понятийно-терминологическая инверсия в данном случае связана со стремлением повысить онтологический и познавательный статус данных изображений, вывести их на геральдический уровень, поскольку понятие герба традиционно воспринимается социально и исторически более значимым, чем эмблема.

В сходном с геральдической традицией отношении трактуется функция ведомственных эмблем, называемых «опознавательными знаками». Она видится в обозначении принадлежности к тому или иному министерству, а также в указании на профессиональный уровень его служащих¹⁶¹. При этом возможности альтернативных дефиниций игнорируются.

Локальная сфера бытования «геральдических знаков» (преимущественно в силовых структурах) обусловила попытки ввести термин «военный геральдический знак» – «геральдический знак, используемый в интересах геральдического обеспечения военно-организационной системы государства»¹⁶². Совокупность изображений этой категории трактуется даже как некая система.

Бытование в литературе подобных невразумительных, искусственных понятий усугубляет и без того сложную ситуацию в теории отечественного гербоведения, привнося в него изрядную долю субъективизма, сиюминутной конъюнктурности, неоправданного логически, можно сказать, насильственного синтеза.

Столь же необоснованными являются попытки наполнить понятие «эмблема» геральдическим содержанием. «Эмблема – это также геральдическое изображение, на котором посредством тех же атрибутов, что употребляются при составлении герба, отражается какое-либо конкретное событие, характерный период времени»¹⁶³, – утверждают некоторые авторы. Теоретическим обоснованием подобного мнения была все та же расширенная интерпретация гер-

¹⁶⁰ Корнаков П.К. Опыт и проблемы создания эмблем-геральдических знаков министерств и ведомств Российской Федерации // Геральдическое обеспечение... – С. 6.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Первая научно-практическая военно-геральдическая конференция... – С. 20–21.

¹⁶³ Жемойдо Ю.Г. Городская геральдика // Известия... – С. 25.

ба. Эмблемы, хотя и тесно связаны с гербами, вполне четко от них отделяются и могут не носить геральдического характера. Как верно замечал доктор исторических наук А.А. Корников, в обыденном языке понятия «символ», «эмблема» и «герб» допустимо использовать как синонимы¹⁶⁴ (добавим от себя – подразумевая конвенциональность такого употребления), но в научном плане их необходимо строго разграничивать. Именно подобная позиция представляется наиболее правильной и учитывающей потребности как практического, так и научного разделов дисциплины.

Активное развитие в современной России рекламного бизнеса, постоянно использующего визуальные образы, привело к необходимости дистанцировать герб не только от традиционных эмблемы и символа, но и от сравнительно нового понятия «логотип». Границей употребления терминов в литературе предлагалось считать неизменность изображения с соответствующими различиями в юридической фиксации. В гербе основной и, следовательно, подлежащей правовому закреплению является вербальная форма (описание), а возможности ее визуальной реализации вариативны. В логотипе, наоборот, юридически закрепляется внешняя форма, которая, таким образом, должна оставаться неизменной. Иерархия двух понятий устанавливалась однозначно: логотип – изображение более низкого ранга.

В 2000-е г., в контексте развития теоретической геральдики было сформулировано философское понимание сущности герба, выраженное через осмысление визуально-семантического континуума (геральдическая фигура-смысл)¹⁶⁵. Были сформулированы принципы, необходимые как при составлении, так и при расшифровке герба: 1) историческое, стилевое и конфессиональное соответствие гербовых фигур; 2) рациональная и иррациональная действительность символа; 3) способность геральдического символа содержать в себе бесконечный ряд идей, сторон какого-либо явления, процесса или предмета; 4) любой геральдический символ может обладать тайной сущностью; 5) геральдический символ универсален и пригоден для выражения любой идеи; 6) геральдический символ многообразнее своего визуального воплощения; 7) ге-

¹⁶⁴ Корников А.А. Основы российской геральдики. – Иваново, 2004. – С. 7.

¹⁶⁵ Ражнев Г.В. Философия языка геральдики // Гербовед. – 2006. – № 87. – С. 84–95.

ральдический символ обладает «эвристической силой»; 8) геральдический символ должен быть информационно достаточным. Такой анализ дает новое понимание сущности герба и значительно расширяет возможность его теоретического осмысления.

Выявление сущности герба до сих пор не стало в отечественной научной геральдике предметом специального, всестороннего и комплексного изучения, что свидетельствует о недостаточном внимании к ее теоретическим проблемам. Такая ситуация создает терминологическую неопределенность, не всегда оправданную альтернативность, субъективизм при причислении конкретных изображений к категории гербов. В свою очередь, это приводит к неясности предмета геральдического анализа, наносит ущерб точности дисциплинарного познания.

Сформировалось два основных способа дефиниции герба. Первый построен на перечислении триады его признаков «символизм-иконография-право»; второй – описательный, когда перечисляются категории возможных владельцев. Сложилось также пока не оформившееся в виде определения восприятие герба как исторического источника и атрибутирующего признака вещественных памятников. Активно бытующая до настоящего времени триадическая формула не соответствует современным задачам интенсификации геральдического знания, а альтернативные предложения либо конъюнктурны и субъективны, либо не стали пока общепринятыми. Определение сущности и неразрывно связанных с ним функций герба составляет одну из основных, наиболее значимых проблем современного российского гербоведения.

§ 2. Вечный поиск: понятие геральдики в отечественной историографии

Наряду с определением термина «герб» фундаментальное значение для дисциплинарного знания имеет семантика самого понятия «геральдика». Оно является стержневым компонентом понятийно-терминологической системы, ее методологической основой.

Как и понятию «герб», бытованию термина «геральдика» свойственен дуализм. С одной стороны, его содержание в различных направлениях геральдической мысли оказывало значительное влия-